

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ: ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

ОН НЕ ВОШЕЛ, а прямо-таки ворвался в искусство — бунтарь, неслыханный творческой ветоши и рутины... Но не анархическое упрямство, а могучая революционная сила выдвинула в этом порыве современника Сергея Прокофьева. «Апостолом новой красоты» назвал его старейший русский музыкальный критик Каратыгин. А Борис Асафьев в статье «Путь к радости», написанной в июне 1917 года по просьбе Горького и Маяковского, говорил о близости молодого музыканта к революции.

Известны также слова Маяковского: «Я готов отдать всю старую музыку за одну ноту Прокофьева».

Позже большая творческая дружба связывала Прокофьева с деятелями молодого советского искусства, в частности с В. Мейерхольдом, С. Эйзенштейном.

На Западе Прокофьев воспринимался как полонец революции. Его Вторую симфонию и балет «Стальной скок» называли «большевистской музыкой». Сам композитор не без гордости писал о постановке балета в Нью-Йорке в театре «Метрополитэн». «Интересно было увидеть, как огромный красный флаг взвивался на сцене этого самого буржуазного из буржуазных театров».

Ныне Прокофьев — признанный классик музыки XX века. Многие его сочинения вошли в золотой репертуарный фонд крупнейших балетных и оперных театров, оркестров и других исполнительских коллективов. На V Международном конкурсе имени Чайковского музыка Прокофьева звучала не реже, чем произведения самого Чайковского.

Но хотя Прокофьев и классик, у слушателей его музыки остается жгучее ощущение современности. Пожалуй, ни один из классиков не вызывает таких горячих, злободневных споров.

В чем же секрет современности Прокофьева? Он — в самой природе его творческого мышления. «Я ничего и никогда не сделал только потому, что так требовали правила», — писал композитор. Это умение мыслить и чувствовать не по шаблону, скептицизм ко всему, что создается по инерции, достаточно показательны для современного человека.

Творческая свобода сочеталась с огромной ответственностью. Известно, как часто переделывал,

совершенствовал многие свои сочинения Прокофьев. Ему не однажды приходилось отвечать на упреки в непонятности, трудновоспринимаемости его музыки. В письме к одному из слушателей он пишет: «Человеческий дух, а может быть, и ухо, эволюционируют постоянно. Разгадка Вашего непонимания в том, что игрой природы я на шкале эволюции брошен на несколько делений вперед».

Прокофьев признает право художника-новатора «опередить» некоторые слои слушателей. Вместе с тем он отмечает, что далеко не всякий изобретатель нового является великим композитором. Он заботился о простоте, доходчивости сво-

енное в жизни. Рассказывают, что как-то раз он «подслушал» ритм и интонацию речи своего знакомого и это послужило творческим импульсом в работе над образом старого Болконского в опере «Война и мир». И этот пример отнюдь не уникален. Здесь есть что-то общее с Суриковым, увидевшим в случайном встречном прототип Меншикова для картины «Меншиков в Березове», с Римским-Корсаковым, писавшим с натуры крик петуха для вступления к опере «Снегурочка».

Прокофьев обладал исключительной творческой смелостью. Он первый воплотил в кантате «20 лет Октября» публицистику Маркса и Лени-

При воплощении шекспировской трагедии у него были трудности. Убеденный оптимист, художник светлого гармонического дарования, однажды он уже отказался от сюжета «Отелло» из-за того, что «не желал иметь дело с Яго». И теперь он не сразу согласился с неизбежностью трагической развязки. Но, закончив основную редакцию балета по-шекспировски, Прокофьев проявил истинную оптимистичность мышления. «Ромео и Джульетта» — высшее проявление жизнелюбия. Балет созвучен духу Возрождения.

В то же время Прокофьев смело насыщает музыку интонациями наших дней. Его мелодии, как и чувства его героев, — очень часто импульсивны. Широкие мелодические скачки — настоящие интонационные взрывы нередко чередуются с ползучими, хроматическими ходами. Прокофьев в своем балете показал себя мастером пластической характеристики. Мы слышим в его музыке легкую, радостную порывистость Джульетты, мерную поступь Лоренцо, приплясывающую походку Меркуцио. Прокофьев неизменно оттапкивался от характера сценической ситуации, от качества самого образа, от его жеста, движения — в балете есть номера-портреты, номера-сцены и жанровые зарисовки.

Безусловно, все это было ново для балетного театра того времени. И вместе с тем новаторство Прокофьева удивительно точно совпало с магистральным путем развития жанра, и теперь уже нельзя представить сокровищницу балетного искусства без сочинений Прокофьева.

Перед нами большой композитор. Его замыслы глубоки, но порой и сложны. Понимание Прокофьева приходит не сразу. Выработать его для многих слушателей не так порой легко. Но вспомним, что говорил сам композитор. Он стремился к простоте, ясности, мелодичности. Поэтому пусть вас не отпугнет его кажущаяся порой сложность. Надо ощутить в этой музыке новое, современное выражение естественных человеческих чувств. Надо внимательно, может быть, не один раз вслушаться в его музыку — музыку глубоко национальную, реалистическую и вместе с тем современную, рассчитанную на восприятие слушателя XX века. Тогда придет и настоящее понимание музыки Прокофьева. Тогда и произойдет ваша встреча с прекрасным.

МУЗЫКА ПРОКОФЬЕВА

Сегодняшнюю беседу ведет профессор, доктор искусствоведения Б. ЯРУСОВСКИЙ.

ей музыки, но подчеркивал, что простота должна быть не повторением старого, не избитой и банальной, а новой простотой. Ему свойственно стремление к отражению действительности, но часто это как бы опережающее отражение.

Творческий труд композитора отмечался небывалой интенсивностью, он имел обыкновение работать одновременно над несколькими сочинениями различных жанров, часто применял ускоренные формы записи. Интенсивность мысли и чувства проявилась в образном строе его музыки. Композитор, много и жадно наблюдавший (он был заядлым путешественником: исколесил СССР, Европу, побывал в США, Канаде, Северной Африке), умело воплощал в звуках подсмотрен-

на, одним из первых создал замечательные оперы на советскую тему — «Семен Котко» и «Повесть о настоящем человеке».

Прокофьев — летописец нашего времени, но он же с непревзойденной силой выразил дух Шекспира в балете «Ромео и Джульетта».

Бессмертный шекспировский сюжет вдохновлял и вдохновляет композиторов разных эпох и стилей. Величие Прокофьева в том, что он с огромным художественным тактом и чувством меры прочел Шекспира глазами современного человека. Впрочем, творчество Шекспира — истинная антология человеческих чувств — современно всегда, что и доказал еще раз Прокофьев в своем гениальном балете.